

ДОБРЫЙ СВЕТ ЛАМПЫ «ЧУДО»

О прозе
Георгия Гулия

Из иллюстраций художника
М. ЛИСОГОРСКОГО к роману
Г. Гулия «Фараон Эхнатон».

МНОГИЕ рецензенты книг Георгия Гулия сходятся на том, что характерной чертой его творчества является умение любую тему, какой бы трудной она ни была, облечь в такую художественную форму, которая отличается своей непосредственностью, доходящей подчас чуть ли не до «детскости». Очевидно, это в какой-то мере действительно так, но именно — в какой-то мере. Да, романы, повести, рассказы Гулия всегда серьезные, в них прозаик, как правило, ставит жизненно важные, животрепещущие проблемы современности и истории. Будь это одна из первых повестей Гулия «Весна в Сакене», исторические романы «Человек из Афин» или «Сулла», сборники рассказов, скажем, такие, как «Его самый, самый счастливый день», «Дилижанс», и другие. Но вот художественная простота и непосредственность, «детскость» произведений Гулия — это не что иное, как своеобразный, присущий ему литературный прием, который помогает писателю «закамуфлировать» содержание, увлечь за собой читателя по пути поиска мудрости жизни, истины. Мягкий юмор, грустинка, манера выдать себя подчас за этокого «простачка» вызывают у нас ответные добрые чувства, сопереживание, заставляют подумать о себе и других, живущих рядом с нами людях, поддерживать в них все хорошее, светлое, чистое, активно осуждая зло.

Недавно в приложении к журналу «Дружба народов» вновь вышел роман Г. Гулия «Фараон Эхнатон», а издательство «Художественная литература» выпустило в свет его том с романами «Жизнь и смерть Михаила Лермонтова» и «Сказание об Омаре Хайяме». Кстати, роман о Лермонтове после журнальной публикации появился в сборнике впервые. Только что в журнале «Молодая гвардия» опубликованы «Рассказы об Александре Блоке». И все эти книги, как всегда, разошлись мгновенно, несмотря на достаточно солидный тираж.

В чем же притягательная сила, например, исторических романов Георгия Гулия? Почему ищут их читатели, чем писатель берет его в полон, делает своим единомышленником и другом? На эти вопросы, как мне кажется, дает убедительный ответ Юрий Барабаш в своем вступлении к книге Гулия, вышедшей в издательстве «Художественная литература». Он пишет:

«...Исторические романы Г. Гулия складываются в некое единство не по внешним — сюжетным, хронологическим, географическим — признакам, а по законам глубинной, «неформальной» логики. Залог этого единства — личность, позиция, взгляд художника, его чувство историзма, способность сближать далекое, видеть в разном, непохожем, порою противоположном... преломление общих жизненных закономерностей». И далее: «Прошлое, это настолько удаленный от нас,

что почти нереальный мир, предстает у Г. Гулия в самой что ни на есть реальной достоверности, предстает зримо, осязаемо, вещно, в красках, звуках, запахах, в деталях бытия. И человек здесь отнюдь не абстрактный homo politicus, а существо из плоти и крови, со своим лицом, характером, эмоциями».

Сборник «Чашка чая и капля дождя», вышедший в издательстве «Молодая гвардия», — в ряду таких же книг Георгия Гулия. В рассказах, представленных в этой книге, — доброта к людям, высочайшее уважение к простому, обыкновенному человеку, неустанный поиск смысла жизни, ее первозданности, неповторимости и красоты. Если бы в сборнике были опубликованы всего лишь четыре рассказа — «Все видели спящую реку», «Тополя», «Дилижанс», «Чашка чая и капля дождя», — и то можно уже считать, что книга состоялась. Эти произведения — ее ядро и сердцевина, они являются как бы камертоном, настраивающим читателя на нужную волну. А эта волна — органическая связь человека с обществом, чувство ответственности перед ним, будь ты в этом обществе маленьким или великим, занимаешь большой и ответственный пост или просто ходишь за плугом, стоишь у станка, выражаясь сад... Прозаик ставит эти проблемы ненавязчиво, подчас в иносказательной, притчевой форме. Вот тут-то и проявляются его художественная непосредственность и простота!

Рассказ «Тополя» — всего-навсего шесть страничек текста, и на этой небольшой площади писатель решает одну из сложнейших проблем — положение человека в обществе. Герои этого рассказа — мальчишки, живущие на одной из улиц маленького южного городка, их сосед — дед, мудрый человек, и четыре тополя-близнеца, четыре зеленых богатыря, растущих на той же улице. Тополя, вымахавшие с целой пятиэтажной дом, толстые, в три обхвата — во круг не обойдешь, — с зелеными пышными кронами, доставляют жителям города много радостей, хлопот, а нередко и неприятностей. Зашевелилась листва на тополях — жди ветра, а то и урагана. Притихли тополя — на

улицах благодать. Мальчишки лезут на эти деревья, набивают за пазухи гроздь крупного спелого винограда, которым обвиты эти гиганты тополя.

Но как-то тополя так рассердились на людей, что подняли целую бурю, нагнали на город черные тучи, заблестели молнии. Одна из них ударила в могучий и высокий тополь! И все же устояли гиганты тополя: покачались-покачались и выпрямились. Лишь в самую-самую сильную бурю один тополь так пригнулся к земле, что, не выдержав натиска урагана, рухнул на землю. Утром вышли на улицу люди с топорами и пилами, разрезали могучий тополь на куски, погрузили в арбу и увезли...

И вот писатель выводит мораль из этого рассказа-притчи. Она в словах мудрого старика. Когда один мальчишка спросил деда, почему рухнуло такое большое и крепкое дерево, он ответил:

«Этот тополь пал жертвой собственной гордыни. Не надо было злиться, сынок. Не надо было дуть с такой силой. Захотелось ему себя показать — вот и надорвался. Всегда надо быть добрее... Понял? — И дед продолжил: — Вот если бы этот, — он указал на место, где красовался тополь, — понимал, что не следует дуть так яростно, что не следует пугать людей и нагонять тучи на ясное небо, он бы здравствовал и по сей день. А то вон, наверное, печи им топят...»

Эту же тему, скажем попутно, Г. Гулия решает в рассказе «...И явился волынщик» (он опубликован в сборнике «Дилижанс»). Жил волынщик в горах, не в доме каком-то, а в самом обыкновенном шалаше, крытом папоротником. И рядом с волынщиком, как утверждали, находился сам Прометей, прикованный к скале за то, что он похитил огонь с неба и хотел передать его людям. Волынщик по праздникам спускался с гор в долины и веселил жителей своей немудрящей музыкой: его простейший инструмент — «обыкновенный бурдюк со свирелью» — пел для них то «густым басом, то хриплым тенорком». Г. Гулия нарисовал портрет волынщика просто и броско:

«Лохматые, давно нечесанные волосы, огромная борода, словно побывавшая среди диких колкучек, усы, совершенно

упрятавшие в своих волосах дебрях рот, и щетинистые брови над глазами...»

Скромный волынщик Георгий Гулия пришел к нам будто бы из сказки, легенды, как и великий Прометей. Писатель не случайно поставил их рядом, потому что каждый из них по-своему служит людям, каждый по-своему несет им радость и щедрость души.

Ну а если взять рассказ из книги «Дилижанс» — «Смерть артиста»? Это — кусочек жизни и трагедия французского писателя Анри Бейля — Стендаля, умершего прямо на одной из улиц Парижа. Стендаль несколько лет пробыл консулом в папских владениях в Чивита-Веккии, а в 1842 году приехал во Францию, предполагая пробыть там всего несколько дней. Прибыл он в Париж больным человеком, но полным надежд и замыслов. Всего несколько лет назад у него вышел в свет роман «Пармская обитель», а теперь он подписал контракт с одним журналом, обязался поставлять ему регулярно рассказы. А доктор, у которого недавно побывал писатель, советует ему «унять свой нрав», «чаще сидеть в саду», «поменьше говорить о политике» и «как можно меньше работать». Но Оноре Бальзак сказал Стендалю при последней встрече:

«Настоящий артист подобен льву. А вы, господин Бейль, настоящий артист. Артист в древнегреческом, древнеримском, высоком смысле этого слова. Вы написали «Пармскую обитель» за пятьдесят два дня. Следовательно, вы и лев своим могучим сердцем. Вам ничто не должно быть страшно».

И вот этот артист, «лев своим могучим сердцем», замертво падает на улице Парижа, его хоронят на Монмартрском кладбище, кладут у «самого входа», «без прекрасного вида».

Потом муниципалитет «построил» вблизи кладбища виадук, и могилу консула осыпало пылью и оглушало грохотом дено и ношно». Так ушел из жизни великий романист, который сказал: «Я ничто, если я один. Я ничто, если за мной никто не следует. И я все, если читатель скажет себе: этот человек думал вперед мысль».

В сборнике «Чашка чая...» опубликован большой рассказ Г. Гулия «Все видели спящую реку» (в журнале «Звезда» он был назван повестью, и это, по-

жалуй, точнее). Дело тут не только в объеме произведения, а в широте и глубине поставленных в нем проблем. Это острый, о днях сегодняшних рассказ. Сюжет его традиционен: после долгой разлуки герой произведения возвращается в родной южный приморский городок, встречает там своих товарищей по школе. И, естественно, у него возникает вопрос: кем же стали эти бывшие школьники за минувшее время, ведь когда-то, в годы своей юности, все они мечтали увидеть спящую реку (а по народному поверью любой, даже самый бурный поток на какой-то миг обязательно замирает!), чтобы быть счастливыми. Да, одни из них (таких большинство) действительно стали счастливыми, нашли свое место в жизни, приносят пользу людям, живут полнокровно и радостно. Другие все еще не приблизились к определенному берегу и остановились как бы на подорожье. Третьи погрязли в мелочах бытия и, переродившись, стали на антиобщественный путь.

Почему же так случилось, что из хороших, добрых ребят, одновременно окончивших школу, со временем сформировались, с одной стороны, интересные, деятельные люди, честные, преданные нашим коммунистическим идеалам, а с другой — вырос чертополох? Георгий Гулия художественными средствами отвечает на этот вопрос. Люди добрые и бескорыстные, умеющие жить для других и для себя, выросли, возмужали и занялись в повседневной «жилищной буче», в делах и заботах, в активной общественной деятельности. Их нормой поведения является наш моральный кодекс, они трудятся по принципу — один за всех и все за одного. Ну а некоторые пошли по узкой тропочке и, как говорится, налегке, они старались дать людям поменьше, а урвать у них побольше. Понятно, таким нечестным трудом в нашем нравственно чистоплотном обществе долго не проживешь. Именно к такому заключению приводит нас писатель в рассказе «Все видели спящую реку». Логикой повествования он показывает, что свежий ветер советской действительности сметает со своего пути все нечестное и наносное.

Постоянным спутником Георгия Гулия в «Чашке чая...» и особенно в его «Рассказах о детстве», вошедших во многие книги прозаика, является лампа «Чудо». Со стеклянным абажуром, рубчатым колесиком, которым можно прибавить или убавить горящий фитилек, она всегда освещала ему жизненный путь, согрела героев произведений большим человеческим теплом, теплом радости и счастья. У этой скромной волшебной лампы «Чудо» жаркий свет доброты, и за это поклонники таланта Георгия Гулия говорят ему сердечное спасибо.

Алексей КИРЕЕВ